

ЧАСТЬ 1

Реликвии в византийской агиографии

Составление, перевод с греческого и комментарии
А. Ю. Виноградова

Святыни суть земные свидетели существования святости и святого — так можно кратко описать учение Церкви о реликвиях. Останки (кости или нетленные тела), личные вещи, места пребывания, объекты чудес святых становятся поэтому предметами почитания. В связи с этим культом возникали разнообразные литературные тексты, частью входящие в состав больших повестей о жизни святого (житий, деяний или мученичеств), а частью бытующих самостоятельно. Памятники последнего типа принято называть «чудесами» (*qauvmata, miracula*), они часто переписывались в конце других агиографических сочинений, иногда постепенно сливаясь с ними.

Самые ранние упоминания о реликвиях святых встречаются в так называемых мученичествах, первоначально представлявших собой протоколы допросов мучеников, дополненные небольшими ремарками христиан-редакторов. Многие такие тексты заканчиваются упоминаниями о погребении тел святого, но в некоторых встречаются и упоминания о почитании останков в качестве святынь. К их числу относится публикуемое ниже описание мученичества свв. Адриана и Наталии.

Почитание мучеников имело разнообразные формы. Их кровь собирают и ею натираются, останки мучеников используют в качестве филактериев и залогов будущего спасения. Частная инициатива по погребению брошенных мучителями или выкупленных у них тел расценивается как важная добродетель. Это приводит к попаданию реликвий святых в руки отдельных лиц. Обладать ими становится престижно и даже необходимо. В тех странах, где преследований христиан не было (например, в Галлии конца III — начала IV в.), христиане отправлялись за мощами на Восток. Об этом повествует знаменитая история св. Вонифатия,

отправленного своей хозяйкой за мощами, обратившегося и претерпевшего мученичество в Тарсе.

С ростом почитания того или иного святого неизбежно увеличивался и объем письменных свидетельств о его жизни, причем судьба его реликвий описывалась зачастую достаточно подробно. Классический пример этого – мученичество св. Варвары, где мы находим упоминания не только о ее гробнице, но и о других объектах (баня, каменный пастух), связанных с ее культом. Первоначальные версии рассказов о реликвиях святого перерабатываются, приобретая все большее значение, особенно в отсутствие пространного житийного материала – это относится, в частности, к св. Димитрию, чья гробница в Фессалонике не просто становится центром культа, но и сама начинает оказывать влияние на сюжет житий.

В случае, когда существовала некая святыня, не имевшая истории происхождения, открывался простор для создания фантастических и даже апокрифических версий ее возникновения. Так случилось, по-видимому, с поясом св. Георгия: пояс великомученика становится сюжетом впечатляющей повести об исцелении тяжелобольного. Ее апокрифический характер не удивителен, особенно если учитывать первоначально апокрифический характер мученичеств святого.

Очень немногие могли почитать мощи святого исключительно духовно, переполняясь духовной радостью в их присутствии, подобно некоему почитателю св. Спиридона Тримифунтского. Такие случаи – скорее исключение. Обычно же в ранне-, а особенно в средне- и поздневизантийскую эпоху каждый старался завладеть хоть маленькой частичкой мощей, пусть даже не совсем законным способом, как это сделал один из знатнейших граждан Патр, откусив палец на ноге апостола Андрея. В данном случае имел место еще и локальный патриотизм, стремящийся сохранить для города его филактерий и апотропей. Другой, еще более показательный пример такого почитания – чудо св. Параскевы Иконийской, чьи мощи жители Икония готовы выкупить у арабского эмира за золото по весу всей раки.

Потребность в мощах приводила иногда к похищению мощей, организованному зачастую как масштабная экспедиция. Особенно прославились на этом поприще

морские республики Италии, и, прежде всего, Венеция. После того, как венецианцы украли из Александрии мощи апостола Марка, ставшего патроном города, они, вслед за купцами из Бари, ограбили вторично и могилу св. Николая в Мирах Ликийских. Небольшое число обнаруженных там костей заставило их пойти на прямой подлог — обретение так называемых истинных мощей святого вкупе с останками еще двух близких к Чудотворцу святых.

Все приведенные выше примеры взяты из публикуемых ниже памятников византийской агиографии. Это всего лишь небольшая, но очень показательная выборка из того необозримого моря агиографических текстов, которые являются, пожалуй, лучшим свидетельством, как и почему реликвии святых так занимали умы и так глубоко почитались византийцами.

СВВ. АДРИАН И НАТАЛИЯ

Описание мученичества свв. Адриана и Наталии (достаточно древнее: фрагменты его обнаружены в мечети Омейядов в Дамаске¹, следовательно, с учетом латинского оригинала, оно относится к IV-V вв.) связано с развитым почитанием их мощей в Аргирополе, одном из предместий Константинополя. В этом местечке, претендовавшем на то, что именно здесь располагалась первая резиденция епископов Византия, мощи находились в посвященном им мавзолее: тело Адриана было, согласно мученичеству, перенесено сюда еще самой Наталией². В рассказе о собирании и транспортировке мученических останков встречаются как типичные для такого рода памятников моменты: сожжение трупов властями, сбор крови из отсеченных членов, выкуп тел, так и редкие черты: натирание себя кровью мучеников и моментальная перевозка мощей из Никомедии в Византию, причем двукратная, сначала Евсевием, а затем Наталией. Несмотря на то, что этот сюжет может быть лишь проецированием позднейшего появления мощей в Аргирополе на времена самого мученичества, он важен для нас как свидетельство византийских представлений о перенесении мощей, а также использовании их в качестве филактерия в морском путешествии.

Перевод сделан по изданию: *Hagiologie byzantine* / Ed. F. Halkin // *Subsidia hagiographica* 71. Bruxelles, 1986, p. 48-51.

---

¹ Christlich-palästinische Fragmente aus der Omajjaden-Moschee zu Damaskus / Hrsg. von F. Schulthess. Berlin, 1905, S. 108-111.

² *Prophetarum vitae fabulosae, indices apostolorum discipulorumque Domini Dorotheo, Epiphanio, Hippolyto aliisque vindicatae* / Ed. Th. Schermann. Lipsiae, 1907, p. 145-146.

[Мученичество] святого мученика Адриана,
Наталии и их дружины

«...Итак, когда святым был вынесен приговор отрубить мечами их члены, Наталия стала просить палачей начать с Адриана. Взяв же Адриана за ноги, Наталия потащила его к плахе и, держа их, утешала его, уговаривая потерпеть. И палачи, ударив с большой силой, отсекали ему руки и ноги, а Наталия увещевала его и укрепляла. И так предал мученик свой дух. Подобным же образом отрубив члены и прочих святых, они бросили их в огонь.

А Наталия, украв руку святого Адриана и завернув ее, последовала вместе с другими женщинами за останками, собирая капающую из святых кровь и натирая ею себя. Когда же святые останки были брошены в печь, начался сильный дождь и погасил ее, и так верные забрали останки святых. А некто Евсевий, соименный благочестию, дав золота сторожившим воинам, помешал им проверить останки святых и, так погрузив их на кораблик, отвез в Византий. А Наталия, когда один тысяченачальник захотел взять ее в жены, попросила время на размышление и обманула его. Ведь когда она стала рядом с ложем святого мученика и плакала, явился ей один из святых мучеников, говоря: „Услышана твоя молитва. Но поспеши, иди к нам в Византий, и там Господь позаботится о тебе“. И взяв руку святого, она вошла на корабль, направлявшийся к Византию. А тысяченачальник стал преследовать ее, поплыв и сам. И так как поднялся противный ветер, она спаслась, а ему он помешал в пути. Но прежде, чем ей спастись, в полночь явился им ложный дух, говоря: „Поворачивайте налево“. Тогда святой Адриан, явившись им и двигаясь перед корабликом, сказал: „Плывите отсюда, ведь говоривший вам плыть налево – искуситель“. А Наталия, увидев, что им предшествует святой Адриан, и весьма обрадовавшись, воскликнула: „Это господин мой Адриан“. И больше не являлся им святой. Достигнув же Византия, она облобызала останки святых. И является ей во сне святой Адриан, говоря: „Добро пожаловать в мире, раба Христова и дочь святых мучеников. Иди к нам, чтобы получить причитающееся тебе“. И тотчас она испустила дух. Ее погребли и положили рядом с останками святых мучеников. И множество мужчин и

женщин пребывали в этом мученичестве, славя Бога, ибо Ему подобает слава, честь и держава во веки веков, аминь».

СВ. АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ

Малоизвестное житие ап. Андрея Первозванного (ВНГ 99b) было составлено, по-видимому, в XI в. на основе уже сложившейся традиции житий и деяний апостола («Деяние Андрея и Матфия в городе людоедов» и житие Епифания Монаха). Его характеризует повсеместная «апокрифизация» традиционного материала – интерес ко всему необычному, странному и загадочному. В конце жития, подобно Метафрасту и Никите Давиду Пафлагону, анонимный автор добавляет историю перенесения мощей апостола, однако здесь она сводится к забавному анекдоту об откушенном пальце Андрея. Этот эпизод не похож ни на локальную патриотическую легенду о напрасной попытке императора Василия II, ни на прославление деяний Констанция и вмч. Артемия, как у Метафраста и Никиты. Однако при всей своей «апокрифичности» эта история достаточно хорошо показывает меру допустимого в отношении к святыням в средневизантийскую эпоху.

Перевод по рукописи: Athen. Parlam. 45, XVI в., л. 184 об.-185 об.

Житие и мученичество святого славного апостола Андрея Первозванного

«А через сто двадцать лет после кончины апостола воцарился христолюбивый император Константин и, основав на месте Византия город своего имени, попытался свезти эти (?) святыне мощи преподобных апостолов и мучеников в основанный им город, думая, что мощи скончавшихся за Христа станут оберегом и ограждением для этого города и отгонят от него

всякого врага. И вот он послал за этим по всем провинциям и собрал с великой честью мощи святых.

Пришли же и в Патры Ахейские за апостолом. И тут начался ужасный плач и стон, ведь все люди кричали со слезами: „Если хотите сокровище наше забрать, то сначала нас умертвите! Если врача нашего хотите забрать, то сначала нас умертвите или живыми отправьте в ад“. И тысячу других вещей кричали они императорским слугам. А архиепископ, человек благочестивый и украшенный всеми добродетелями, спокойно и без волнения обратился к толпе: „Мужи братья и сограждане, как мы желаем покровительства и заступления Первозванного, так и могущественный и непобедимый наш император хочет его защиты. Поэтому если угодно апостолу и любит он нашего могущественного императора больше нас, то пусть взойдет на повозку, а если нас любит больше императора, не взойдет“. И замолчал народ.

Однако попросили, чтобы мощи положили на ложе и все их поцеловали, что все и сделали. Ибо расстелив пурпурное ложе, положили сверху мощи святого, все их облобызав, от мала до велика. А один из отцов города, человек весьма родовитый и неудержимо веривший в апостола, пришел и, начав от головы лобызать и обливать слезами мощи, дошел до ног. И как добрался он до правой ноги святого, то положил мизинец его ноги себе в рот и откусил его зубами, думая про себя: „По горячей и искренней вере хоть немножко заберу я от членов святого, чтобы было у нас это как память и оберег“.

А когда взял он это, императорские слуги, подняв святые мощи и положив их на повозку, довели в сохранности до Константинополя. И вот император, приняв честные мощи святого и всеславного апостола с великой радостью и построив храм во имя апостола, положил его там с величайшим славословием. Многие исцеления случились по пути и случаются в Константинополе и по сей день во славу Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава с Безначальным Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь.

СВ. ВАРВАРА

Греческие жития великомученицы Варвары, равно как и их взаимосвязь с другими древними традициями (сирийской, латинской и т. д.), и по сей день остаются практически *terra incognita*. Самым древним из них кажется текст, изданный Вито³. Наряду с традиционными мотивами (заключение в башню, жестокий отец и т. п.), в жизнеописании Варвары присутствуют и эпизоды, возводящие к самой великомученице важнейшие ее реликвии, и прежде всего – чудотворную баню с изображением креста на мраморе и отпечатком стопы святой, почитавшуюся в Гелиополе около Евхаиты. Другая этимологическая легенда – рассказ о превратившемся в камень злом пастухе, чьи овцы стали жуками, обитающими у гробницы великомученицы. Все это показывает, что, подобно множеству других византийских житий, мученичество Варвары было создано при ее мартирии с развитым культом мощей и других реликвий. Датируется оно ранневизантийской эпохой.

Перевод по изд.: *Passions des saints E^vcaterine et Pierre d'Alexandrie, Barbara et Anysia / Publ. par J. Viteau. Paris, 1897, p. 89-103.*

* * *

«2. ...А он [т. е. отец], выйдя от нее [т. е. Варвары] и спустившись с башни, занялся возводимой им баней. Ведь он приставил к ней множество мастеров, чтобы поскорее закончить ее. И распорядившись, как надо строить, и дав каждому жалованье, он удалился в дальнюю страну, где провел немало времени.

---

³ См. *Weyh W. Die syrische Barbara-legende. Schweinfurt, 1911.*

3. А спустя краткое время спустилась раба Божья Варвара с башни, чтобы посмотреть на построенное здание, и увидев, что с юга сделали только два окна, говорит мастерам: „Почему вы устроили только два окна?“ Они же говорят ей: „Твой отец приказал нам так“. Говорит им раба Божья Варвара: „Что я скажу вам, исполняйте без страха: добавьте для меня еще одно окно“. А они говорят ей: „Мы боимся, госпожа, твоего отца, как бы приехав, он не разгневался на нас и мы не пострадали бы от его ярости“. Говорит им святая Варвара: „Что я говорю вам, исполняйте без страха, а я смогу убедить в этом своего отца“. Они же добавили и еще одно окно, как велела им святая.

4. А пройдя в купальню, святая Варвара обратилась на восток и поставила на мраморе собственными перстами честной крест, и это изображение честного креста сохраняется по сей день, поражая видящих. Когда же она вошла в купальню, где остался и отпечаток ее честной стопы, с которого все для своего здоровья и спасения берут мерку, сказала: „Этой бане подобен Иордан, в котором Вседержитель Бог, преклонив Свою непорочную главу, принял святое крещение от крестителя и предтечи Иоанна. Эта баня подобна источнику Силоамскому, омывшись в котором, слепой от рождения прозрел. Эта баня подобная Овчей купели, в которой исцелился расслабленный. Это купель против всякой болезни; эта купель – живая вода, которую жена самарянка попросила у Господа“. Итак, пройдя через эту целительную купель, агница Божья Варвара поднимается на башню и видит идолов, которых почитал ее отец. И исполнившись Духа Святого, Господнего и Животворящего, Многообразного, Подвижного, Благолюбивого, Действенного, Крепкого, Прочного и Неделимого (ведь всю ее объяла благодать Божья, чистая сила славы Вседержителя), вот она, мужественнейшая мученица Христова, украшенная верой, устремилась против диавола. Она, увидев глухих и бесчувственных идолов, плюнула им в лицо, говоря: „Подобны вам да будут творящие вас!“ И поднявшись на башню, она пребывала там в молитве.

5. И вот, когда здание было закончено и достроено, вернулся и ее отец и, увидев три окна, говорит мастерам: „Почему вы сделали три окна?“ А они говорят ему: „Потому что твоя дочь так нам приказала“. Он же говорит своей дочери: „Ты приказала устроить три окна?“

А она говорит ему: „Да, и ведь хорошо я распорядилась. Ибо три окна просвещают всякого человека, грядущего в мир. Поэтому два мрачны“. И взяв ее, отец: „Скажи мне, дитя: как это три окна освещают больше чем два?“. Говорит ему раба Божья Варвара: „Узри Отца, Сына и Святого Духа“. Тогда исполнившись гнева, ее отец выхватил меч, чтобы зарубить ее. Но помолилась святая Варвара, и расколосась скала, приняла ее внутрь и выбросила ее на горе. Были же там пастухи, пасшие своих овец на горе, и они видели, как она бежала. И поднявшись на гору, ее отец спросил их о ней. И один, желая спасти ее клятвенно отнекивался. А другой своим пальцем показал на нее. И прокляла его раба Божья Варвара, и тотчас стали его овцы похожи на жуков и пребывают рядом с ее честными останками, сам же он стал камнем и остается таким по сей день».

СВ. ВОНИФАТИЙ

Мученик Вонифатий принадлежит к тем святым, центром культа которых был Рим, что определялось не только его происхождением оттуда, но и его погребением в Вечном городе. Некоторые моменты, однако, связывают его с Востоком: это и место его мученичества – Тарс в Киликии, и популярность его греческого жития. Последнее является переводом с латинского, но твердо вошло в состав декабрьского менология. Житие св. Вонифатия – одно из лучших свидетельств раннехристианского культа мощей: все действие разворачивается вокруг миссии раба богатой римской матроны – покупки и перенесения в Рим останков каких-либо восточных мучеников, которые помогут его хозяйке получить оставление грехов. Получив реликвии, Аглаида собиралась построить мартирии – вместо этого ей привозят останки самого раба, Вонифатия, принявшего мученическую смерть в Тарсе, и она сооружает в его память мартирий на Латинской дороге. Цена, за которую выкупили тело Вонифатия – 500 солидов, – мало достоверна, но остальные детали очень хорошо отражают ситуацию начала IV в., к которому и относится время создания памятника.

Перевод по изд.: Acta martyrum / Ed. Th. Ruinart. Ratisbonae, 1859, p. 325-332.

Мученичество святого Вонифатия

«2. И вот, спустя долгое время покайся по Божьей милости, Аглаида зовет своего раба Вонифатия и говорит ему: „Брат Вонифатий, ты знаешь, в скольких грехах мы запутались, не думая, что мы предстанем

перед Богом и дадим ответ за то зло, которое сотворили в этом мире. И теперь я услышала неких христиан, которые говорят, что если кто послужит святым, сражавшимся за имя Господа Иисуса Христа и подвизавшимся ради Него, то станет сопричастником им в страшный день справедливого Божьего суда. И поскольку я узнала от неких людей, что рабы Христовы сражаются на Востоке против дьявола, предавая свои тела палачам, чтобы не отречься от Христа, то ступай в эти края и принеси нам останки, то есть тела святых мучеников, чтобы хоть как-то послужив и поработав им, а также построив молельные дома, достойные их, спаслись благодаря их святым страданиям и мы сами, и многие другие".

3. Взял этот раб Вонифатий достаточно золота, чтобы выкупить тела святых мучеников и на раздачу нищим, двенадцать коней, трое носилок, но также и различные благовония, дабы почтить святых мучеников. И когда должен был отправляться, говорит он радостно своей госпоже: „Владычица моя, если я найду для покупки останки, то есть тела святых мучеников, привезу с собой, а если придут мои останки, прими их как мученические". Сказала ему его госпожа: „Брось свое пьянство и пустословие и давай отправляйся, так как знаешь, что должен доставить останки святых мучеников. А я, грешница, пусть и недостойна, жду тебя вскоре. Господь же и Бог всех, Который, ради нашего спасения приняв облик раба, излил Свою кровь ради спасения человеческого рода, сам да пошлет ангела Своего перед тобой, да направит пути твои в Своей благости и да исполнит во благих мое желание, не взирая на мои прегрешения".

4. Отправившись же в путь, раб Вонифатий стал думать про себя: „Правильно было бы, если б я ни мяса ни касался, ни вина ни принимал, потому что хоть я и недостойн и грешен, однако должен доставить останки мучеников". И подняв очи к небу, сказал: „Владыка Вседержитель, Боже Отец Единородного Твоего Сына, приди на помощь мне, Твоему рабу, и направь мой путь, которым я иду, дабы прославилось имя Твое Святое во веки веков, аминь". И закончив молитву, он отправился в путь с радостью.

...

14. А товарищи-рабы блаженного Вонифатия ходили повсюду, ища его; и не найдя, начали говорить друг другу: „Он теперь веселится, возлежа в публичном доме или в харчевне, а мы ходим, ища его“. И когда они рассуждали так, случилось им встретить брата комментарисия, и они говорят ему: „Ты не видел здесь одного чужака-римлянина?“ А тот говорит им: „Вчера чужой человек принял мученичество за Христа, и ему отсекли голову“. Они же говорят ему: „И где он?“ А тот сказал: „На стадионе, где пострадал“. И говорит им: „Каков он с виду?“ Они сказали ему: „Мужчина крупный, плотный, рыжий, одетый в красноватую накидку“. И он говорит им: „Тот, кого вы ищете, вчера принял у нас мученичество“. А они сказали ему: „Человека, которого мы ищем, надо искать скорее в таверне, а не стадионе“. Сказал же он им: „Ведь что вам мешает пойти на стадион и посмотреть, он ли это?“

15. Тогда они последовали за ним до стадиона, и он показал им его честное тело. Они говорят ему: „Пожалуйста, покажи нам и его голову“. Он пошел и принес им его голову. Когда же смотрели на голову святого мученика его товарищи, он улыбнулся в Святом Духе. И узнав его, рабы горько заплакали, говоря: „Не вмени нам во грех то, что мы наговаривали на тебя, раб Христов“. И говорят чиновнику: „Это тот, кого мы ищем. Пожалуйста, отдай его нам“. Говорит им чиновник: „Я даром отдать останки вам не могу“. Тогда они, дав ему пятьсот солидов, взяли тело святого мученика и, умастив его благовониями и завернув в драгоценные ткани, положили на одни из носилок и так отправились в путь, радуясь и славя Бога за кончину святого мученика.

16. А ангел Господень явился его госпоже, говоря: „Некогда твоего раба, а теперь нашего брата прими как господина и достойно упокой, ведь благодаря его заступничеству простятся тебе все твои грехи“. И Аглаида, быстро встав и взяв с собой клириков и благочестивых мужей, с молитвами, свечами и каждением встретила святое тело и положила его в пяти стадиях от города Рима, на дороге, которая называется Латинской, пока не построила ему молельный дом, достойный подвига добропобедного мученика. В этом месте и по сей день изобилуют благодеяния по молитвам святого мученика, так что даже бесы изгоняются и все

разнообразные болезни прогоняются, которыми одержим человеческий род».

СВ. ДИМИТРИЙ

Истоки культа великомученика Димитрия Солунского окутаны туманом: некоторые исследователи даже полагают, что местом его кончины был Сирмий, и лишь затем беженцы оттуда перенесли его мощи в Фессалонику. В первоначальном варианте жития роль Димитрия удивительно мала: по сути своей, этот памятник – история юноши Нестора, победившего борца Лиэя, любимчика императора Максимиана, который встретил перед состязанием Димитрия и счел эту встречу дурным предзнаменованием. Сравнивая эту версия с так называемой «второй» и, особенно, «третьей» редакциями жития (ниже приведены отрывки из «первой» и «третьей»), неизбежно замечаешь те существенные различия, которые связаны с развившимся культом мученика и фессалоникийской традицией: вводится рассказ об исцелении Леонтия, обрастает подробностями история постройки храма, появляются на свет новые святыни (перстень, перевязь и плащ), объясняется наличие реликвий Димитрия в Сирмии и т. д. Эти новшества – важное свидетельство того изменения агиографической традиции, которое она претерпевает в процессе развития культа реликвий святого.

Перевод по изд.: *Delehaye H. Les legendes grecques des saints militaires. Paris, 1909, p. 259–263; PG, 116. Col. 1185–1201.*

Мученичество святого великомученика Димитрия

«7. ... А всесвятые его останки, брошенные убийцами, самые благоговейные из тогдашних братьев, взяв ночью,

чтобы остаться незрими, оставили в той же яме в земле, куда их бросили, и спрятали там, сколько чего было, дабы их не повредили хищные звери. Никому же после этого по промыслу [Божьему] не случилось перенести тело блаженного, но оно оставалось в том же виде.

8. Поскольку же из-за происходивших на этом месте превосходящих всякое слово знамений, исцелений и чудес с призывающими его с верою, знаменитой стала сила мученика, боголюбивейший муж Леонтий, облеченный префектурой престола Иллирика, снеся, расчистив и распространив на большую площадь хранивший всесвятыя мощи храм, который был очень маленьким по виду, засыпан мусором и стеснен стенами общественной бани и стадиона, возвел молельный дом, роскошной постройкой храма к охотнейшему услышанию города Фессалоники склоняя его собственного мученика и гражданина...»

Мученичество святого великомученика Димитрия

«...

20. Так вот обстояло дело, и труп мученика был брошен на земле, и никому не было до него дела. Конечно же, ни прилично было это, ни достойно, действительно, Бога, за Которого пострадало это священное тело, чтобы оно было в таком презрении. Однако Он и не презрел его, но некие христоролюбивые люди по Его внушению, придя ночью и забрав лежавшее в совершенном небрежении честное [тело], благоговейно обвили его. Затем засыпав землей, они благочестиво погребли его на том же месте, где он и скончался. А один из слуг святого, присутствовавший при совершении блаженной казни, как только мог, собрал его божественную кровь в священную перевязь мученика, но и перстень, который тот носил на руке, и его он взял с собой и, окунув в кровь мученика, совершал им множество исцелений.

21. И не было никакой болезни, никакого злого духа, столь сильного, чтобы, испытанный им, он тотчас не уступил и не обратился в бегство, так что молвой об этих исцелениях наполнилась вся Фессалоника. Поэтому невозможно было ни скрыть этого от Максимиана, ни вынести его зависть. И из-за этого тотчас хватают и

казнят раба, попечителя этих благ: Трибуналий – место усечения, Лупом звали доброго раба. Когда же прошло время и весть о знамениях там, где лежало тело мученика, прошла и по Македонии, и по Фессалии, а языческий туман сменился ясной погодой, Леонтий, некий муж, блиставший славой и весьма горячий в вере во Христа, облеченный достоинством префекта Иллирика, отправившись в Дакию, становится жертвой тяжелейшей болезни, которая так его измучила, что он ни ел, ни пил, но действительно считал убегающую от всех смерть вещь самой желанной и единственным освобождением от охвативших его страданий.

22. И вот, когда врачи оказались явно бессильны перед этой болезнью, а посещения друзей для утешения в муках казались бесполезным трудом и не было никакой надежды на избавление, в этой тяжелой и непрекращающейся буре неким священным якорем для префекта оказалось прибегнуть к божественному храму мученика. Внесенный туда на носилках и положенный на том месте, где под землей было скрыто это священное тело – о, божественное призрение! о, неизреченная вещь! – он ожил, как ясное доказательство благодати и силы Димитрия, и, полежав там некоторое время и горячо помолившись, почувствовал его помощь. И теперь происходит новое, самое замечательное из его чудес, что все вместе соединяется: положение больного во храме, призывание мученика его губами и легкое исцеление от болезни. Так Леонтий, сподобившись скорого выздоровления, скорую и сам благодарность воздает.

23. И маленький храмик, в котором находилось священное тело мученика, весьма малый и узкий по своему виду, зажатый между стенами бани и стадиона, он разрушил и выстроил ему в Фессалониках новый храм от самых оснований. Он и теперь виден между общественной баней и стадионом, прекрасно построенный и не лишенный ничего из того, что подвигает глаз к удивлению и наслаждению красотой или размерами. А собираясь отправиться в Иллирик, этот благочестивый муж захотел взять с собой некую часть от священного тела, чтобы и там воздвигнуть храм славному мученику, однако не получил на это благоволения от святого, но ночным видением тот отвратил его от этой попытки. Поэтому взяв с собой, как говорится, во второе плавание плащ мученика, обогранный его честной кровью, и часть

перевязи, которую обычно называют орарем, и положив истинно честное в честной ларец, он так удовлетворил желание мученика, а себе обрел великое подкрепление.

24. Итак, он собирался пройти в зимнюю пору в Сирмию и уже оказался у берегов Истра. Но поскольку тот был широк и уровень воды в нем сильно поднялся, так что никому вообще не было оттуда прохода, а течение никак не утихало и тем, кто все еще хотел, препятствовало его перейти, этот муж был в унынии, его одолевали размышления и охватывало уныние. И вот, явившись ему, божественный Димитрий сказал: „Отложив прочь от души всякое малодушие и неверие и держа в руках то, что ты несешь, перейди беспрепятственно реку“.

25. Поверив явившемуся и с утра вступив на корабль, префект поплыл через потоки, в руках держа ларец, а глаза вместе с душой обращая ввысь, и так как течение спокойно пропустило его и было удержано невидимым мановением, совершил переправу, достойную удивления, однако совсем не недостойную его веры в мученика. Так вот пройдя без вреда и оказавшись в Сирмии, он отдал этот священный ларец вместе с находящимся в нем сокровищем в возведенный им храм мученика. Он сооружен по соседству с церковью добропобедной мученицы Анастасии, чтобы мученики приближались к мученикам и в небесных, и в земных обителях. Многих, конечно, чудес и исцелений сподобилось на этом пути большое множество людей, пока несли этот священный плащ..»

СВ. ГЕОРГИЙ

Среди многочисленных греческих чудес св. Георгия Победоносца, знаменитого спасителя попавших в опасность, суть несколько прижизненных, имеющих исключительно апокрифический характер (напр., чудо о змии, откровение св. Георгия, чудо о бесе), что соответствует апокрифической основе самого жития великомученика. Среди этих «деяний» находится и рассказ о поясе святого – реликвии, по-видимому, некогда действительно существовавшей. Цель автора – объяснить происхождение чудодейственной силы, которой обладает данная святыня. Объяснение это целиком и полностью вымышленное, но при этом содержит все ключевые элементы этимологических легенд такого рода: пост и молитву святого, нисхождение благодати на объект и, наконец, его испытание на неисцелимом и долго страдающем больном. Памятник происходит, по-видимому, из того места, где хранилась этот чудодейственный пояс св. Георгия, а возможно, также и другие реликвии великомученика (в тексте упоминаются еще престол, мера хитона, серебряный и золотой сосуды, источник).

Перевод по изд.: *Miracula sancti Georgii* / Ed. J. V. Aufhauser. Lipsiae, 1913, p. 134-137.

Рассказ о поясе святого

«Страшен ты, Господи, и преславны чудесные дела Твои, ибо Ты сотворил удивительные чудеса в честь и славу святого мученика Твоего Георгия и явил их всем людям, дабы мы познали, что Ты Бог истинный, великий и страшный и что Ты прославляешь славящих Тебя. Поэтому Ты даровал нам этого святого в заступление, в помощь и

в чудотворение, как прекрасного, как вернейшего и теплого заступника нашему прошению.

Послушайте о страшных и удивительных делах, которые великий мученик совершил посредством данной ему благодати. Ибо блаженный, узрев открытую ему славу, постясь сорок дней, начал молиться перед Господом и говорить: „Творец неба, земли, моря и всякого дыхания, Сотворивший нас по образу Своему и подобию, ведь Ты поселил нас в сладостном раю, а мы, не сохранив заповедь Твою, были изгнаны из него за наше прегрешение; терния и волчцы⁴ приказал Ты земле возрастить нам, но, смилостивившись по благоутробию Своему, Ты явился на земле и пожил вместе с людьми, Господи Боже мой, Сотворивший со мной удивительные дела, и снова исполни мою просьбу и яви знамение через мой пояс, если Ты Бог прежде век, ибо другого Бога не знаю“. И сошел к нему голос: „Все просьбы твои Я исполню“. Услышав это, святой возблагодарил Господа и возложил на престол свой пояс, меру своего хитона и серебряный сосуд и, закрыв дверь, удалился. А нужно было святому Божьему, чтобы явилось ему знамение через его пояс. И спустя семь дней святой с великим страхом пришел к престолу и нашел источник воды и увидел в этом поразительное знамение, встал там и восславил Бога за открытую ему славу. И сделав золотой сосуд, он налил туда воду из святого источника, и, взяв свой пояс и свой святой сосуд, вышел, ища знаменья.

И когда он достиг города, до он нашел там расслабленного. И увидев его, святой говорит ему: „Какой ты веры?“ Расслабленный же членами, говорит ему: „Я верю в Геракла и Аполлона с Артемидой“. И говорит ему святой: „Поэтому-то ты и находишься в столь горьком расслаблении. Но если уверуешь в Бога Небесного, ты не будешь так страдать“. Расслабленный говорит: „Меня никто не может исцелить: ни небесный, ни земной“. А святой говорит: „Уверуй в Бога моего, и Он исцелит тебя от страдания“. Говорит расслабленный: „Отстань от меня: я вижу, что ты красив и облечен властью и великим почетом, а используешь меня как игрушку и приносишь мне мучение. И если ты милосерд, то брось мне в рот, коли есть что у тебя, и увлажни иссохший мой язык, страдающий уже двадцать восемь лет. Посмотри на сгнившие мои члены, посмотри на разрушение

---

⁴ Быт. 3, 18.

моего тела и гибель пальцев, посмотри на больной мой голос — я не могу воспользоваться ни одним членом, кроме голоса и языка, а ты говоришь мне: „Если бы ты уверовал, то больше не был бы таким“. Отстань от меня, раз ты даже не краснеешь от моего вида“. Тогда говорит святой расслабленному: „Ты не веришь моим словам — нынче ты увидишь силу Божию“. И когда святой положил свой пояс на расслабленного и помазал его водой из святого источника, то содействием Божиим все его стгившие члены тотчас же исцелились, и человек стал полностью здоров благодаря Человеколюбивому и Милостивому Богу и святому и всеславному великомученику Георгию, слава Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков, аминь».

СВ. НИКОЛАЙ

Перенесение мощей свт. Николая Мирликийского из Малой Азии в Бари в 1087 г. получило огромный резонанс как на Западе, так и на Руси, приведя к появлению как новых агиографических текстов (причем не только описаний перенесения, но и целых житий), так и нового праздника Чудотворца 9 мая. Намного меньше известно (а в России вообще неизвестно) другое перенесение мощей мирского святителя – в Венецию. Венецианцы, знаменитые похитители святынь, положившие начало городскому культу ап. Марка именно кражей его останков из Александрии, были заинтересованы, как крупнейшая морская держава Средиземноморья, и в приобретении реликвий свт. Николая – патрона мореплавателей, что и произошло в 1099–1101 гг. Венецианские купцы, возвращавшиеся из Палестины, решили завернуть по пути в Миры за мощами святого, однако обнаружили, что их опередили баряне. Тогда, не удовлетворившись жалкими остатками костей, которые барская экспедиция не смогла забрать из-за ночного времени и обилия мира в гробе, венецианцы, пользовавшиеся теми же методами, что и их предшественники, – допросами и пытками храмовых служителей, взломали пол в алтаре и, следуя уже окончательно устоявшемуся к этому моменту агиографическому смешению двух Николаев, Мирликийского и Сионского, «обрели» мощи архимандрита Николая, дяди Чудотворца, и некоего епископа-мученика Феодора, предшественника святителя на Мирской кафедре. Но не довольствуясь и этим, самые отчаянные вскрыли пол храма и, разграбив какое-то, по-видимому, древнее погребение, доставили на корабль тело «самого Николая»: секретность и малочисленность этой последней экспедиции скрывает под собой сомнительное происхождение главной добычи, предшествующие и

последующие чудеса должны объяснить причину находки мощей и доказать праведность этого деяния, подчеркнутая брутальность венецианских мирян снимает всякие подозрения с клириков, которые и составили этот рассказ. При сравнении этой повести с барским перенесением бросается в глаза удивительный параллелизм: не только в методах обеих сторон, но и в происходящих чудесах (обнаружение места захоронения, встречный ветер после похищения моряками частиц мощей и т. п.). Культ свт. Николая, чьи мощи были положены в церкви на о. Лидо, играл важную роль в жизни средневековой Венеции: ежегодно, в день памяти святого, туда направлялась торжественная процессия во главе с патриархом и дожем. Антропологические исследования останков в храме Сан-Николо ди Лидо показало, что, помимо трех почти полных тел (еп. Феодора, Николая Дяди и «венецианского Николая»), там хранятся еще и разрозненные кости, соответствующие и дополняющие останки в Бари⁵.

Перевод по изд.: *Ughellus F. Italia sacra, sive de episcopis Italiae et insularum adjacentium*, 5. Venetiis, 1720, p. 1220–1233.

* * *

«...Отплыв, наконец, с острова Родоса и пробыв в крепости от дня апостолов Симона и Иуды до воскресения по Пятидесятнице, они [т. е. венецианцы] направились к Иерусалиму и не собирались поначалу никуда отклоняться. И они уже оставили слева Смирнскую митрополию, и ветер сопутствовал им в пути, как вдруг епископ, который неусыпно радел в своем собственном и всего Запада почитании [свт. Николая], направил свои паруса к Мирам, и так, отклонившись по Божьей воле, флот, хоть и против желания большинства, пристал к святому берегу. Когда они спросили там о состоянии местности и им ответили, что более пятисот турок бродят неподалеку отсюда и уже многие селения обложили данью, тогда послали к городу смысленных разведчиков, чтобы они узнали поподробнее, возможно ли то, что они

⁵ *Paludet L. G. Riconoscimento delle reliquie di S. Nicolov. Vicenza, 1994.*

задумали, и исполнимо ли то, чего желают. А посланные, пройдя шесть миль в глубь земли (ведь настолько город отстоит от берега, где был флот), вошли в город и в церковь, в которой лежало скрытым желанное сокровище. Тут к ним с почтением собралось все сообщество клириков, больше ради приношений, чем из благочестия. Ведь город был разрушен язычниками, и там ни клирики, ни остальные люди больше не оставались, но жили в крепости, которая отстояла от города примерно на две мили. И не каждый день они все спускались на службу, но поочередно служили по четыре недели. Итак, посланцы, расспросив и узнав, что хотели, тотчас вернулись к войску и сообщили, что все удачно и благоприятно. Услышав это, множество народа, ни ожидая повеления командующего или указания епископа, ни дожидаясь гласа глашатая или звука трубы, сразу же схватились за оружие и группами бросились к городу. Там, придя к церкви блаженного исповедника, они по чину остановились, положили оружие и со слезами излили такую молитву: „Боже Вечный, Устроивший все прежде его появления и Освятивший блаженного Николая в чреве матери, Избавивший нас от стольких опасностей пути, внемли нашему благочестивому молению, исполни наше благое желание, чтобы сподобиться нам в теле иметь того, кто не оставляет нас, почитающих его, своими чудесами. Благодетелю отче Николае, услышь молитвы рабов твоих, удостой посетить то, что всегда было посвящено тебе; святой отче, Венеция, дочь твоя, тебя приглашает, тебя видеть желает, тебе место, где принять тебя, приготовила и устроила, где твоей знаменитости будет прилично обитать. Мы знаем, что недостойны взирать на тебя нашими бесстыдными очами и держать твои святые останки нашими нечистыми руками; наша вера, а не наши заслуги стремятся к тому, что Божья милость да исполнит“.

Завершив молитву, они с оружием стали на городскую стену, [а прочие] одни с железными, другие с иными инструментами приготовились к взлому. Задержав четырех церковных сторожей из числа клира (тогда как остальные убежали), которых они вначале привлекли ласками и обещаниями и окружили уговорами, они пообещали сделать их богатыми и могущественными, если они покажут место, где лежит тот, кого они ищут. А те, или притворяясь, или, может быть, не зная этого по древности, показали

им гроб, разбитый сверху... „Это, — говорят, — гроб, откуда баяне вынесли часть мощей, а часть оставили. Если хотите, возьмите их, а нас отпустите“. Тогда они: „Покуда мы обращались к вам с нежными словами и ласками, но если вы не покажете то, что мы ищем, то мы применим к вам мучения и пытки“. На это стражи: „Если вы нас и огнем будете жечь, и голову разобьете, то как узнаете от нас правду об этом, которая неизвестна со времен императора Василия? Ведь вы можете увидеть гроб, откуда его вынес император Василий, когда хотел некогда перенести в Константинополь, но где или как он его положил, когда не смог перенести, никто из смертных вам указать не сможет“. Тогда, подбегав, они разбили показанный сторожами гроб и, поискав внутри, не нашли ничего, кроме воды и масла. Тогда, раздраженные и движимые гневом, они продырявили... церкви, разбили пол, сорвали алтари и не пощадили ни храма, ни священных предметов. И так они впустую провели, работая, часть предыдущего дня и почти всю ночь, пока один из сторожей, уstraшенный страшным наказанием и ужасной пыткой, попросил послать к кораблям за епископом, обещая рассказать истину и не скрывать ничего, когда узнает, что тот пришел. Отправляются к нему приготовленные для этого юноши, которые срочно докладывают епископу об этих словах и о ходе работ, которые они напрасно предпринимают. В тот же час командующий войском Джованни и епископ Энрико в окружении воинов отправляются в город. Командующий Джованни с вооруженными копейщиками двигался спереди, а епископ с клириками шли за ним босиком. Командующий готовил своих воинов к битве, епископ призывал свой клир к псалмопению. Когда же они вошли в церковь, епископ, со слезами упав на землю, произнес следующее, стеная от самого сердца: „Боже, Отче милосердия, Ведатель тайн, Податель благ, Отпуститель грехов, Соизволивший, чтобы я, Твой грешный раб, возглавил Твою святую Церковь, Доверивший мне недостойному пасти Твоих овец, услышь милостиво молитвы моего смирения и призри на верное благочестие народа Твоего. Господи Милосердный и Милостивый и Источник жизни, Боже, Обещавший ученикам Своим: „Что попросите во имя Мое, будет вам“, подай нам то, что мы просим во имя Твое, ибо мы Твои ученики, крест Твой несем, Тебе следуем, чтобы жить. Святый Утешителю Душе, Ходатайствующий за

наши стенания, излей Свое неизреченное святое утешение в наши умы, дабы то, что мы с верой исполняем, нам сподобится на деле получить. Боже Отче, Боже Сыне, Душе Святой Боже, как я сердцем верю и устами исповедую, что три этих лица – одно существо и один Бог, так позволь нам обрести то, что мы ищем, увидеть, что желаем, исполнить, что жаждем. Святейший епископ Николай, услышь желания верных, удостой посетить твою Венецию и Запад: достаточно Востоку и грекам того, что ты их архиерей и учитель и что они держали тебя у себя почти семьсот лет после твоей кончины. Радуется весь Запад и латиняне, что ты посетишь их своим телом, явишь чудеса и своими молитвами и заслугами вознесешь на небо по предстательству и содействию Святой и Нераздельной Троицы, Которой честь и слава, ныне и присно и во веки веков, аминь”.

Поднявшись же после молитвы, архиерей Божий обратился к сторожу, который позвал его, с такой речью: „Благословенный сын, когда я получил твое прошение, то хоть меня и удерживал сильный недуг, я, поднятый надеждой, пришел сюда, ведь я знаю, что не без причины ты послал за мною. Если ты знаешь, скажи мне правду; будь уверен о честности уговора, что бы ты не попросил”. Ему сторож: „Святой отче и истинный слугитель Божий, той вещи, которую ты хочешь узнать, я не ведаю и следа, но желая избежать грозящей кары, Бог свидетель, я послал за тобой, чтобы ты освободил меня”. Услышав это, епископ со слезами удалился в дальнюю часть церкви. А народ, поняв, что над ним посмеялись, стал применять к сторожу наказания, от которых его избавили. Не в силах долго выносить их, он позвал епископа, который, прибежал и, сильно разгневанный пытками, вырвал его из их рук. Тогда тот, немного отдышавшись, сказал архиерею следующее: „Раб Бога Всемогущего, почему ты позволил мне пострадать? Беспричинно, Бог знает, я терплю эти мучения: то, что ты ищешь, ты никогда не узнаешь от меня или от кого-то еще, но против воли и по принуждению я открою тебе еще кое-что, что для греков бесполезно и вечное проклятие и плач, а венецианцам полезно и памятно навеки.

В этом гробу, который ты видишь, или в главном алтаре, освященном в честь святого Иоанна Крестителя, покоятся без сомнения два святых предстателя, предшественники великого Николая”. Услышав это, они,

достаточно воспламенившись от этой помощи, взломали древний гроб и разбили алтарь. В алтаре они нашли три часовни, а в древнем гробу двух архиереев с отдельными эпитафиями, положенных в кипарисовые гробы и облаченных в благоухающие одеяния. Один из них – это Феодор, славный мученик, а другой – Николай, дядя великого Николая, оба – люди великих заслуг и митрополиты его церкви.

Упоминание о святом Феодоре таким образом встречается в чудесах святого Николая. Некий слепой пришел к мужу Божьему, помазался маслом из лампы св. Феодора и благодаря святому крестному знаменю, который святой почитал, вернулся видящим. А о его дяде читаем там следующее: В тот день, когда родился великий отрок Николай, когда его купали, почти два с половиной часа он без всякой помощи стоял на ногах. Христос его благословил, и со слезами он излил за мальчика молитву Богу, принял его от святого источника, дал ему свое имя и наставил в Священном Писании.

Мы же подняли с должным почтением столь славных патронов и отнесли во главе с епископом и всеми его людьми в церковь. Тогда при большом стечении народа с песнопениями и славословиями епископ и клирики, с трубами и знаменами командир и миряне понесли их с трепетом к своему флоту, но некоторые из них, вернувшись по божественному вдохновению в церковь, тщательно обыскали место, где прежде разрушили алтарь святейшего исповедника, и, почувствовав там необыкновенное и изобильное ароматное благоухание, не сомневались, что там скрыто великое сокровище. Те же, кто посещал это место, вспомнили, что на праздничных торжествах архиепископ совершал торжественное богослужение не на алтаре св. Николая, но на ровном месте ставил над телом треножник и совершал там божественные таинства. Обратив также внимание на то, что по прямой линии над этим местом нарисовано изображение св. Николая, они, поразмыслив, рассудили между собой, что если бы в этом месте не было бы какой-то великой святыни, то архиепископ не почитал бы его так сильно. Итак, побежав за войском, которое двигалось с ликованием к кораблям, они по порядку рассказали о запахе, которых почувствовали, и о своих размышлениях. Когда это разумное рассуждение было выслушано, ...

вернулись к церкви, радуясь первым успехам, но еще больше радуясь о том, что добудут святого. Придя же на место, которое те им показали, почувствовав запах и поглядев на образ вверху, сказали друг другу: „Ну, добрые молодцы, потрудимся снова во имя Христова: может быть правда, что они пророчествовали по наитию Святого Духа. Достав разного рода инструменты, они снова повторили благое дело и, убрав вначале завалы камней и землю, которую при прежних работах накидали там и тут, дошли до пола, взломав который и с силой проникнув дальше, обнаружили стекловидную массу, которую трудно было разбить и пройти. Тогда, поистине, венецианская молодежь испытала свои силы. Одни применяют железные клинья (или: острия), другие бьют сверху молотками; одни отходят, устав от работы, новые берутся за работу; одни очищают место, другие ставят на место разбившегося железа новое. Пробив, наконец, благодаря прилежному труду стеклянную массу, они обнаруживают не менее трудоемкую смоляную. Для ее преодоления подобным же образом понадобилось много труда и пота. Когда и ее вынули и унесли оттуда, оставалась еще третья масса, для прохождения сложнее двух прежних, которая смесью из... меди со смолой покрывала святые останки. Но они, упорствуя в начатом деле и надеясь, что явные знаки их уже не обманут, разбили.. медь вместе со смолой и со всей страстью устремились к долгожданной жемчужине архиереев, туда, где явилось им сокровище, соответствующее их многосложному труду. Оттуда шел такой запах, что невозможно было сомневаться, что там пребывает с божественными благоуханиями собор ангелов. Тогда почтенный епископ, приступив со всем почтением и орошая слезами лицо и грудь, собрал святейшие члены и почтительно сложил в свою епископскую накидку. Чудесное дело, и чуден Бог во святых Своих, пальмовая ветвь, которую богоисполненный муж принес из Иерусалима, лежала внизу и распространила вокруг себя зеленые листья – воедино ее собрали многие люди и отвезли домой как свидетельство истины. На могиле же было написано греческими буквами: „Здесь покоится великий епископ Николай, славный чудесами на земле и на море“. Но если кто-то, может быть, хочет знать, по какой причине святой Николай был так сильно запечатан и спрятан, то основание этому следующее.

В деяниях греков повествуется, а также встречается у них в его [т. е. св. Николая] чудесах, что константинопольский император Василий захотел перенести его в столицу империи и что собрал его члены в мантию, но когда дошел до церковных дверей и не смог, несмотря ни на какие молитвы и прошения, вынести дальше, то в страшном гневе, как рассказывают, сказал и исполнил следующее: „Николай, поскольку славный и державный город не сможет владеть тобой, то я помещу и скрою тебя так, что никто не сможет найти и овладеть тобой“. Благословен Бог, и благословенно имя величия Его, ибо Он не захотел держать такое в тайне, но перед всеми почти народами прославил Своего святого и при свидетельстве множества друзей и недругов исполнил желание верных своих, ибо многие приходили туда: греки, венгры, немцы, англичане, французы, итальянцы, барцы и пизанцы. О счастливый народ, который сподобился обрести такое сокровище! О блаженный архиерей, который удостоился поднять такую ношу! О истинно блаженная и дважды блаженная Венеция, ты, которая блистаешь, опершись на два блистательных столпа: есть у тебя и лев, который дарует тебе победы в сражениях, есть у тебя и кормчий, который не боится бури на море. Льва ты с божественной кражей похитила из Александрии, кормчего из Греции унесла посредством дивных мужей. В одном случае кражу, а в другом грабеж преступно ли ты допустила? Нет, потому что не ради захвата, не ради осквернения, но в благочестивом и набожной рвении сделала это.

Итак, когда были собраны останки святого, собраны и кусочки смолы, приставшие к ним, они спешно полетели к берегу и тотчас поднялись на свои корабли..

На галере, как только их там положили, они соорудили из новых досок домик наподобие церкви и с почетом украсили его изнутри занавесами и одеяниями, где никогда не иссякал свет лампад и свечей, где архиерей пребывал днем и ночью, где собор клириков постоянно пел или часы, или литании, или что другое божественное. Те же, кто по благочестию или ради своих храмов отломали частички от целых костей св. Николая и его праха, они, или охваченные различными недугами, или пораженные тяжелыми мучениями, или ночью сотрясенные ужасными муками, рассказали архиерею все, что с ними случилось, и, исповедовав свой грех,

вернули в качестве извинения все обратно. Итак, после всех этих событий они послали гонцов в Венецию, рассказывая обо всем по порядку, как и что они совершили. Когда же было устроено и назначено все, что было нужно для настоящего дела, исполнив все свои желания, они, отчалив от берега и подняв из глубин тяжелые якоря, с великой быстротой устремились в путь Божий...

Но теперь несколько отвлечемся от флота и предоставим его Божьему окормлению, и вернемся вместе с гонцами в Венецию для успокоения рассказа. Итак, когда они и с письмами, и со знаками объявили в Венеции истину, тотчас весь город, охваченный невероятной радостью, собрался ко дворцу на Ривоальто, и признав письма по знакам родственников и друзей, уже более не оставили в себе ни зернышка сомнения, ни следа печали в своем сердце. Ведь прошел уже почти целый год, как они уже не слышали о них ничего определенного, но вместо правды распространялась обильная ложная молва. Когда же разъяснилось истинное положение дел: то, какое великое милосердие явил Всемогущий Бог верным Своим и в отношении святых, и в отношении пизанцев, о как они радовались о спасении друзей, как восторженно ликовали об обретении святых! Сразу стали клирики и монахи во всем благочестивее, а миряне щедрее на милостыню; в народе пошли слухи, и каждый прибавлял разное. Ведь одни говорили, что св. Николая положат рядом со св. Марком, другие, что нет, но что в поле будет построена ему своя церковь, а третья сторона ни того, ни другого не одобряла, но утверждала, что лучше всего было бы быть ему в Каза Маджоре, чтобы, как дож сидит у св. Марка, так патриарх у св. Николая, причем все еще и меняли свое мнение. „Ничего из того, - говорили они, - на что мы надеемся, не случится, но епископ, который сейчас с ним, постарается заполучить его и положить в своем епископстве“. Так человеческие умы обсуждали разное, но Бог, Прославивший его с самого начала, без человеческого суда недвусмысленно указал будущее место его упокоения, где Он желает его положить.

Жил в то время Виталий, аббат монастыря св. Николая на Лидо, муж простой, чистый и далекий от мирской суеты, и когда он услышал, что св. Николай, его владыка, обретен его согражданами, исполнения чего он

желал всю свою жизнь и надеялся, что это исполняется по Божьей милости. О как ревностен он был в его приобретении, прося, умоляя, увещевая дожа, который был большим другом монастыря, и сеньоров... И когда благодаря помощи и советам дожа и знатных людей, преданных этому месту, они были утверждены, отправили самый быстрый вооруженный корабль с вестниками и войском навстречу командующему походом и епископу, а также других различных лиц, необходимых для свободного служения. Когда они достигли Склавонии, то, испугавшись врагов и зимних бурь, свернув с пути, остановились в Задаре, так что и монах, который был послан с этим кораблем от аббата, ждал там прибытия флота, а остальные, пребывая в сомнениях, вернулись в Венецию. Итак, о тех, кто был тогда в Венеции, мы полагаем, сказано достаточно, а теперь, расправив перо, отправимся по морю к Иерусалиму...

Ведь кораблям уже угрожала зима, и в них жило желание переправить в Венецию святых. И когда победоносные воины достигли места в море, называвшегося Эсина, движимые Святым Духом, они единодушно и едиными устами поклялись на Евангелии, что положат святого Николая вместе с его сотоварищами, которых они везли, в монастыре на берегу Риальто, посвященном его имени, и оставят его там навсегда. Затем, двигаясь весьма быстро по кратчайшему пути, они, наконец, в самый день праздника чудесного архиерея, которого везли, под его руководством около первого часа дня счастливо вошли в устье Риальто. Увидев издали показавшийся флот, венецианский клир и народ, радуясь и ликуя как о возвращении близких, так и о прибытии святых, звоня повсюду в колокола, во главе с дожем и патриархом вышли им навстречу. А дож Витале Микаэле, который не знал об их обете и клятве, не только не порицал то, что они сделали, но даже похвалил и всяческим образом подтвердил это. Тогда аббат монастыря и вся братия, видя, что приблизилось исполнение их желания и плача от великого благоговения, вышли навстречу с крестами, расшитыми хоругвями и трубами, и в торжественных одеяниях с почетом встретили своего владыку. Итак, когда с кораблей спустили гробы, дож и епископ Каstellано вместе с соепископами отнесли святых архиереев в монастырь, как и поклялись, с песнопениями и

славословиями и там благоговейно поставили их над алтарем этого самого святейшего исповедника. Тогда архиерей Божий, держа в руке пальмовую ветвь паломника, вышел из церкви, которая была маленькой, и с прочими пожеланиями здравствования кратко, но весомо рассказал весь ход дела как венецианцам, так и прочим, собравшимся во множестве. Такое множество народа собралось как из-за праздника, так и из-за флота и прибытия святых, что едва хватало места, на воде – судам, а на суше – людям.

После окончания празднества, когда толпа рассеялась, меньшие ковчеги, в которых лежали честные мощи, положили внутри больших и, чтобы святые мощи были видны всем, поставили на возвышении посреди хора. И когда святые там, наконец, упокоились до всеобщего воскресения, вся Венеция ежедневно совершала бдения, клирики, взявшие все церковные предметы, юноши, вооруженные флагами, трубами, оружием и кораблями, старики с детьми, матери с дочерьми, все они, зажегши свечи и воскурив ладан, всею ночью пребывали благоговейнейше на службе Божьей у святого архиерея. Святые же совершали чудеса, поистине, без числа: изгоняли бесов, просвещали слепых, заставляли глухих слышать, хромым – ходить, немых – говорить, расслабленных – напрягать члены, горячечных – остывать и всем больным не прекращали возвращать здоровье и исцелять...

Между тем, поскольку многие, в том числе даже мудрые, сомневались относительно такого сокровища, как бы ни случилось насилия, или хитрости, или слухов, то, чтобы исключить любую случайность и любое подозрение, построили мощнейшую и крепчайшую башню, куда принесли святых, пока им не приготовят большую церковь и защиту, где бы не прекращались монашеские бдения и где святые исцеляли бы духовно и телесно болящих. А славное обретение этих святых епископов празднуется 3 июня, победоносное перенесение из Смирны в Венецию 6 декабря, т. е. в день самого святого исповедника Николая...»

СВ. ПАРАСКЕВА

Святая Параскева – одно из тех интереснейших явлений, когда очень близкие друг другу народные культы в разных странах связываются с разными одноименными святыми: среди греков и на Западе это преподобномученица Параскева Сицилийская, или Римская; на Балканах – преподобная Параскева Тырновская; на Руси – великомученица Параскева Иконийская. Все они при этом обладают собственными житиями (греческими, латинскими, славянскими и даже румынским), совершенно непохожими друг на друга⁶. Меньше всего повезло Параскеве Иконийской: ее житие сохранилось только в славянском переводе, что полностью исключило ее из поля зрения специалистов по византийской агиографии (на самом деле, фрагмент греческих актов этой святой сохранился как вставка в оксфордском списке энкомия Иоанна Эвбейского, посвященного ее сицилийской тезке)⁷. Сохранилась часть греческого подлинника и у другого славянского текста о св. Параскеве Иконийской – чуда о спасении Икония от арабского нашествия (впрочем, не опубликован даже славянский вариант). Этот памятник, вероятно, иконийский по происхождению, представляет одну из реальных осад Икония войсками Омейядов в легендарном и даже сказочном ключе: тут и племена сыроедов, и поднимающиеся до неба стены, и дождь из горящих камней, и выкуп мощей и т. п. Особенно интересен мотив видения пономаря в храме, когда ангелы велят святой покинуть город – он находит редкие параллели в византийской агиографии (например в 15-м чуде из т. н. «первого» сборника чудес вмч. Димитрия

⁶ См. *Scgarpev J. Parascève-Veneris-Petkae-Vineri manipulus*, 1-4. Diss. Leuven, 1970.

⁷ См. *Виноградов А. Ю. Великомученица Параскева иконийская и ее «несохранившиеся» греческие акты* // Кафедра византийской и новогреческой филологии, 1. М., 2000, с. 76-80.

Солунского). Славянский перевод чуда св. Параскевы сохранился в трех редакциях: «первой» (ГИМ Уваров 166-4, XV в., л. 268-272; ГПБ Титов 1506 (1512), XVII в., л. 169 об.-174), «второй» (ГПБ ОЛДП Q 50, XVI-XVII вв., л. 30 об.-33 об.) и «третьей» (ГПБ Титов 1769 (2166), XVIII в., л. 146-157).

По рукописям: ГИМ Уваров 166-4⁰, XV в., л. 268-272.

Месяца ноября в 28 день. Слово о чуде
святой
великомученицы Христовой Параскевы,
названной
Пятницей, как она избавила город Иконию
своими молитвами от нашествия язычников

«Арабский эмир собрал все арабские и варварские войска, сыроедов и все критские острова. Эмир пошел со всеми своими силами на Иконию и стал около города, желая разорить его. Но стены города поднялись до небес молитвами святой Параскевы, так что те не могли ни дострелять стрелами, ни достать рукой, однако иконийской земле причинили много вреда.

И однажды ночью горожане стояли на стене, а один церковный сторож в ту ночь молился святому Спасу и святой мученице Параскеве. Вдруг отворились церковные двери и вся церковь озарилась светом светильников. И в церковь вошли два светлых и прекрасных юноши, приблизились ко гробу святой Параскевы и сказали: „Поднимись из гроба, Параскева“. Она же вышла по их слову, и ее лицо сияло сильнее солнца. И два ангела сказали ей: „Господь наш Иисус Христос, Спаситель мира, повелел тебе уйти из этого города, поскольку он предается в руки сыроедов за умножение грехов их [т. е. жителей“. Но тут из ее глаз начали струями течь по лицу слезы, и она плакала и говорила: „Господи, я знаю Твои щедроты и великую милость и непрестанно молюсь Тебе. Господи, если Ты спасешь этот город, то и я спасусь. Господи, если же Ты погубишь этот город, то и я погибну с ним, но не отступлю от этого места“. Они же, сказав это, вышли

из церкви. А она снова легла в гроб и почилa на своем месте. И все светильники в церкви погасли.

А после этого за городом раздался гром и молния, стали падать горящие камни и [появилась] дождевая туча. И у эмира убило до смерти 70 полков, погибло великое множество военачальников и пало много коней и верблюдов. А сам эмир упал на землю и горько плакал. Тогда среди грома раздался голос: „Эмир, если ты не отступишь от этого города, то Я не оставлю у тебя ни одного человека в живых, а тебя уморю злою смертью, и после тебе будут вечные муки“.

Наутро эмир послал из людей почетных и опасных послов к епископу Феодору и горожанам. Тогда епископ Феодор и все граждане выехали с почетом к эмиру, заключили с ним мир и дали ему 100 литр серебра. А эмир отправился в город, вошел в церковь и сказал: „Покажите мне гроб святой Параскевы“. И ему показали ее гроб. Тогда эмир приказал своим слугам взять из гроба мощи святой мученицы и отвезти их в арабскую страну. И он приказал взять повозки и впрячь 12 коней, но они не смогли сдвинуть ее с места. Тогда эмир приказал привести еще 12 коней, и те не смогли сдвинуть. Но он приказал привести еще тридцать коней, однако и они не смогли сдвинуть ее с места. Так эмир и все горожане увидели, что святая не хочет уходить из этого места.

И епископ и все граждане подошли к эмиру и начали умолять его: „Господин эмир, какую цену ты хочешь взять за тело святой?“ А эмир сказал: „Хочу взять у вас серебра по весу тела святой“. Епископ и горожане собрали много золота и принесли эмиру. Тогда эмир приказал взять весы и взвесить мощи святой. И он положил на одну чашу гроб святой, а на другую велел класть золото: „На сколько потянет тело святой, столько я и возьму у вас“. Они положили много золота, и гроб оказался наверху. Тогда критяне и сыроеды начали снимать золото, и раз, и два, и три. Наконец, осталось 15 золотников против мира святой. Эмир же, опечалившись от этого, приуныл и взял 15 золотников и пошел в свою арабскую страну с критянами и сыроедами.

А епископ и горожане были в великой радости и слили миро из старого гроба в сосуд. И стали приходиться ко гробу святой слепые, хромые, глухие, бесноватые, прокаженные, кровоточивые и сухие, и по ее молитвам

слепые начинали видеть, глухие – слышать, прокаженные – очищаться, из бесноватых изгонялись бесы, сухие становились здоровыми. В первый день святая мученица Параскева исцелила 30 мужчин, женщин и детей, во второй – 20, в третий – 17, а в четвертый исцелила девицу по имени Агафия, которая от рождения была слепой, глухонемой и не ходила. И, прикоснувшись к мощам святой и помазавшись миром, она прозрела и начала слышать, говорить и ходить на своих собственных ногах. Была же она дочерью одного знатного человека по имени Афанасий, и случилась в том городе великая радость. А епископ Феодор и все горожане сделали серебряную раку и положили святую Параскеву в новый гроб с великим пением, каноном и молебном и с честью погребли святую в церкви, славя Святую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа, и ныне и присно и во веки веков, аминь.

СВ. СПИРИДОН

Святитель Спиридон Тримифунтский, живший в IV в., — один из самых почитаемых святых в греческой церкви, что определяется прежде всего его славой как автора множества чудес, как при жизни, так и после смерти. Его древнейшее житие, того же IV в., написанное ямбами, до нас не дошло, но оно, наряду со всеми другими доступными источниками, было использовано в VI в. Феодором, епископом города Паф на Кипре, родном острове свт. Спиридона. Кроме биографических сведений о святом, Феодор включил в свой труд и свидетельства о его посмертных чудесах, довольно стандартных (исцеление больных, спасение от опасностей и т. п.). Среди них есть, однако, один очень нестандартный рассказ, принадлежащий некоему почитателю святого: здесь чудотворение святого заключается не в видимых деяниях, а прежде всего — в особенном благодатном чувстве, охватывающем около раки святого духовно восприимчивого человека, причем это может случиться не только рядом с мощами, но и просто в день памяти святителя. Подобные ощущения казались подозрительными и самим современникам Феодора, тем важнее такие редкие свидетельства «духовных» чудес византийских святых.

Перевод по изд.: *Van den Ven P. La legende de S. Spyridon, evêque de Trimithonte // Bibliotheque de Museon 33. Louvain, 1953, p. 95-100.*

Житие иже во святых отца нашего и
чудотворца
Спиридона, бывшего епископом города
Тримифунта,
составленное Феодором, епископом города
Пафа

«...

22. Рассказывал мне один из весьма горячо любящих святого раба Божьего Спиридона: „Когда пришел я на его память (а она совершается четырнадцатого декабря), чтобы облобызать его честной гроб и испросить себе его честных молитв, такое действия милости Божьей, случившееся благодаря нему, почувствовал я в своем сердце, что весь тот день случилось мне ... быть безгласным, совершенно не в силах ни сказать кому-либо хоть одно слово, ни вкусить пищи, кроме причащения святых Христовых тайн, но мне казалось, что я нахожусь и пребываю вне этого мира и вижу вышнюю славу небесную, и все мирское, кажущееся приятным, я не считал чем-то особенным, но скорее ставил ни во что. Так подействовала во мне благодать, бывшая в гробнице святого отца нашего Спиридона“.

23. Дерзая любовью ко мне и убедившись, что я нисколько не сомневаюсь в сказанном им о святом, но с большой верой и благоговением принимаю и храню, этот человек рассказал мне и следующее: „Другой раз отправился я в Тримифунт на память его, прежде всего желая облобызать его честную раку и обнять его как живого, а кроме того, чтобы для наших братьев нищих купить на ярмарке, которая там устраивается, одежду и обувь. И как только облобызал я честной его гроб, – говорил он, – безмерным светом и великой благодатью наполнилось мое сердце, так что я получил свидетельство тех благ, которые будут даны святым в будущем веке, и прославил Бога, Дающего такое рабам Своим. Затем, выйдя на ярмарку и купив плащи – так как через два дня начиналась суровая зима, а я спешил отправиться домой по весьма срочной нужде и исполнить мою службу – охваченный непоколебимой верой в Бога и в святого, я, нагрузив животных, пошел к гробу святого, обнял праведного как живого и попросил его путеводительствовать мне и всем моим, сохранить нас от

ливней и сбережь нас сухими от тяжелой дороги (по причине обилия воды и грязи), но также и от того, чтобы, намокнув от влажности, плащи не погибли бы, и от того, чтобы, став тяжелыми от влаги, плащи стали непосильным грузом для животных. Итак, поклонившись святому и поцеловав престол в той церкви, где лежали его честные мощи, я и бывшие со мной, выйдя оттуда, начали свое путешествие в город Тримифунт. А Творящий желания боящихся его Бог по всему этому пути при таком изобилии туч на небе провел нас сухими по молитвам праведного. И не только это, но и то, что и святой сопутствовал нам, мы чувствовали еще за три или четыре стадия от того места, где должны были остановиться. А святой, сохранив нас в пути до выше указанного места, словно коснувшись моего сердца, подал мне от своего света, который он получил от Бога, и такого веселья исполнилась вся моя душа и чувства, что в неизреченной радости был я от такого его действия. Когда же святой удалился, тотчас на землю пролился дождь, так что с большим трудом я смог погнать животных. И как только мы вернулись домой, тут же пошел обильный дождь, на три дня и три ночи, так что все и видевшие, и встретившие нас удивлялись удивительному призрению и спасению, дарованному нам Богом благодаря содействию честного отца нашего Спиридона".

24. И поведав мне это, он прибавил к сказанному следующее: „Однажды, когда наступил день святого, а я не мог отправиться в Тримифунт, чтобы поучаствовать в службе на святую его память и вкусить благодати, которую источает честная его рака, то, вспомнив о святом и о церкви, где лежат честные его мощи, и застенав: „Вспомни обо мне, святой Спиридон, и призри на меня“, я, сразу после этой молитвы, отправился в церковь там, где я находился, и при входе туда почувствовал присутствие святого. Он, духовно войдя в мое сердце и облобызав меня со сладостью дарованной ему Богом любви, подал мне от своего света и, войдя вместе со мной в церковь Божью, пребыл со мной от самого входа в храм до исполнения трисвятого славословия и, так благословив меня грешного и всех бывших со мной на литургии, покинул церковь"...»